

◆◆ лучшие романы о любви ◆◆

Наталья
Фудянская

Мой нелучший
друг

Annotation

Счастливая женщина! Ее карьера и личная жизнь устроены, все получается и радует. Но... Ах, если бы не это «но»... Близкий друг деликатно намекает на то, что муж ей изменяет. И мир сразу перестает быть разноцветным, как радуга. В яркой палитре появляются оттенки коричневого и черного. Подозрительность, злоба заползают в сердце.

А друг... он всегда рядом: поможет, спасет, защитит. И хочешь ты того или нет, он напишет сценарий твоей жизни заново.

Наталья Будянская
Мой наилучший друг

Спа-отель в Абу-Даби.

Наши дни

Я мечтала отдохнуть от славы, узнаваемости и дикой популярности. Мой образ не сходит с экранов, диски раскупаются со скоростью тока в электросетях, капиталы множатся. Я звезда, успешный продюсерский проект, талантливая певица. В прошлом году представляла свою страну на популярном певческом конкурсе, с тех пор волна популярности накрыла меня с головой.

Густая морская лазурь, бесшовное чистое небо, остроконечные пальмы, загорелые тела, горячий песок, белый диск слепящего солнца...

Пятизвездочный отель предоставляет полный спектр услуг. Акваланг, парашют, яхта, подводная охота — все тридцать три удовольствия. Но я наслаждалась спа-процедурами, роскошью, тишиной и спокойствием. В этом месте очень ценят комфорт и конфиденциальность. Я знала, что здесь меня никто не найдет и не узнает.

Но всегда есть оборотная сторона медали. Десять лет я карабкалась на Олимп и почти столько же строила семейную идиллию с любимым человеком. Я любила его и безумно хотела доказать самой себе, ему и всему миру, что совмещать карьеру и семейную жизнь можно. Можно! Но последний год для нас стал особенно трудным. В мужчине накапливались напряжение и злость. Я бесилась, плакалась в жилетку другу, успокаивалась и возвращалась к Сашке. Когда поняла, что личная жизнь летит ко всем чертям, а отношения с любимым катятся в пропасть, улетела отдыхать. Хотела проветрить голову и расслабить тело. Но мне никак не удавалось вытряхнуть из головы и забыть непростую ситуацию. Что случилось с нашими отношениями? Почему это произошло со мной? Это могло случиться с кем угодно, только не со мной!

Как он мог меня бросить?

Сашка ушел.

Я осталась одна.

Абу-Даби — модный курорт. Фешенебельные отели, роскошные рестораны, высокая кухня, разнообразные процедуры для красоты и здоровья. Я лежала в тени огромного эвкалипта на мягком диване после расслабляющего массажа и читала любовный роман. Буквы упрямо скакали перед глазами, строчки рассыпались веером, а сюжет улетал в ту страну, где остались в зимней стуже самые любимые мужчины — муж Саша и друг Женя.

Друг, мой милый друг. Что бы я без тебя делала? Ты всегда был невидимым щитом, опорой, поддержкой. Ты моя самая любимая подруга. Мы вместе так долго, что я с трудом помню, как жила без тебя. До тебя. Разве было такое время?

Саша... от тягучих воспоминаний щиплет в носу и сжимает виски.

Женя... Внутри разливается тепло, а во рту появлялся сладкий привкус дружбы.

Они едва знакомы, но оба дороги моему сердцу.

Я уткнулась в роман. Очередная попытка постичь переживания Мануэллы и Пьера-Луиджа во времена Средневековья. Ресницы неспешно смежились, нега растеклась по телу, я

задремала. Косые лучи послеполуденного солнца окутывали теплом, как пуховым одеялом. Сцена, огни, громкая музыка — все вертелось кубарем и скакало шальными мыслями в темных углах подсознания. Я напрягалась даже во сне, вытягивая верхнюю «ля», хмурилась на дымовой генератор, пересушивающий гортань, и слепла от софитов.

Сколько прошло времени? Пять минут? Десять? Полчаса? Внезапно на лицо упала тень, я открыла глаза и застыла в позе испуганного богомола, точь-в-точь как на картинке в учебнике биологии. В непонятной перекошенной позе, с подогнутыми ногами и свернутой набок головой. Увиденное потрясло настолько, что пригвоздило к месту намертво. Я боялась даже моргнуть, о движении не могло быть и речи.

На меня смотрело дуло пистолета. Окаменев от страха, я перестала дышать. Из-за слепящего солнца лицо мужчины, собиравшегося меня убить, рассмотреть не удавалось. Он тенью нависал сверху, тыкая мне между глаз пистолетом.

Вся жизнь, начиная с детсадовского возраста, промелькнула перед глазами.

«Я не хочу умирать! Как глупо!» — протестовало все мое существо.

Кадры киноплёнки с тридцатидвухлетней историей пестрели событиями: важными и не очень, грустными, радостными, очень печальными и искренне счастливыми.

Мама, папа и я на Первомайской демонстрации. В волосах белые банты, на губах счастливая улыбка. Гордый папа и другие заслуженные труженики завода держат Знамя труда. Всеобщая радость царит в воздухе. От переизбытка чувств я подпрыгиваю на месте. Как хорошо жить на свете!

Первая двойка в дневнике. Поток горячих слез, глубокое чувство вины, опущенные в пол глаза и раздавленное чувство собственной значимости. Как это могло случиться со мной? Как у меня могла быть двойка за диктант? Это невозможно! Возмущение появится потом. Разочарованию и печали нет предела. Мне плохо. Мне так плохо...

Стою на сцене. Первый концерт в составе школьного хора, волнуясь. Накрахмаленный воротничок школьной формы, новые туфли на каблучке, дефицитные капроновые колготки с узором. В зале нет свободного места, белый свет софитов режет глаза. Но это все не важно. Все внимание приковано к семилетней девочке в центре. Ко мне. Прекрасно, когда мечты сбываются!

Первая любовь. Неудачный опыт. Слезы, страх, раскаяние, тревога, разбитые мечты. Он меня не любит? Но ведь я его люблю. Как такое возможно? Зачем придумали любовь? Почему она так несправедлива?

Только с Сашей я почувствовала всю прелесть настоящих гармоничных отношений. И только сейчас поняла, как любила, как нуждаюсь в нем, как люблю. Я не хочу умирать!

Крики, шум, треск перекидываемых шезлонгов. Немногочисленные отдыхающие спешили покинуть зону отдыха. Никто не собирался меня спасать. Человек статуса «люкс» беспокоится и бережет только свою жизнь. Из распахнутых глаз одна за другой покатались слезы.

«За что? Что я сделала плохого?»

Рука с пистолетом дрогнула. Человек испытывал сильное напряжение. Оружие плясало, теряя прицел. Через сжатые губы доносился то ли плач, то ли стон. От страха я заново научилась дышать. И научилась смотреть против солнца. В этот момент я совершенно отчетливо увидела... Его.

О, господи... Этого не может быть! Он? Это он? Он хочет меня убить?

Смертоносный свинец в дуле пистолета вызывает животный страх у всех без исключения. Я плакала. Жестокая реальность голливудских блокбастеров вернулась с новыми звуками, издаваемыми мужчиной с пистолетом в руке. Превозмогая внутреннюю боль, с перекошенным от судорог лицом, он стонал. По щекам катились слезы. Крупные, горькие, мужские. Я хотела что-то сказать, но не могла разлепить губы. Я хотела протянуть к нему руки, но тело меня не слушалось. Этот человек был слишком важным в моей жизни. Я не представляла своей жизни без него. Я не могла просто лежать и смотреть, как он меня убивает. Я не могла пошевелиться, но жутко хотела жить.

Я не могла принять смерть даже от него.

Дальше все случилось как в замедленной съемке. Он дернулся, резко выпрямил спину. Растерянно посмотрел мне в глаза, потом на свое плечо. Расширившимися от ужаса глазами я наблюдала, как расплзается кровавое пятно у него на плече. Рука обмякла, пистолет выпал и звякнул о мраморную плитку. Он последний раз заглянул мне в глаза. Страх, отчаяние, безысходность читались во взгляде. Слезы высохли. Я не могла допустить его смерти. Вскочила с дивана, кто-то закричал на английском «стой». Второй выстрел прозвучал как приговор. Мужчина упал навзничь и корчился от боли. Выла сирена, неведомо откуда появились полицейские, возник шум и новый переполох. Я стояла, как бронзовая статуя, протягивая руку в пустоту. К тому месту, где еще недавно стоял мужчина. Кто-то проходил мимо и инстинктивно ее пожал. Я очнулась, присела на диван.

Перед моим носом лязгали наручники и горе-убийцу поволокли в тесном кольце к машинам. Он не оказывал сопротивления, голова упала на грудь. Он плакал. С ужасом я смотрела на поникшую фигуру разбойника и понимала, что моя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Никогда.

Мужчина всей моей жизни... Тот, которому я посвящала песни, знакомила с родителями, спала на плече, изливала душу, делила сердце, впустила в свою жизнь. Он хотел меня убить...

Я потеряла его навсегда...

Липкий ужас пробрался в кровь и остановил ее движение в венах.

Я потеряла сознание.

Путь к Олимпу. За пять лет до событий

— Виктория, прекратите меня соблазнять.

Эту фразу, брошенную начальником напоследок, буду помнить вечно.

Медленный танец, корпоративная вечеринка. Я прижималась к пиджаку шефа щекой и вдыхала уже знакомый запах его одеколona. Волнующая мелодия «You & I» побуждала к признанию. Мужское дыхание щекотало висок и заставляло трепетать от долго сдерживаемой страсти. Виктор Валентинович был похож на известного голливудского актера и являл собой полное соответствие моему идеалу. Причем как внешне, так и по характерным качествам. Как только я прошла собеседование в фирме «Дон-маркет», на следующий день была представлена директору. Помню ту минуту, когда открылась дверь, и я несмело шагнула в его кабинет.

Сердце предательски задрожало, сорвалось и покатилося куда-то вниз. Он поднял глаза, посмотрел на новую сотрудницу не дольше двух секунд, кивнул, подписал документы, которые протягивала дама с шиньоном на голове, и занялся делами. Потерял интерес. Как будто меня в кабинете больше не было.

А я умудрилась влюбиться. За эти две секунды. И проработать на фирме четыре месяца, тайно страдать, скрывать свои чувства. И вот сегодня, приняв на грудь расслабляющего лекарства в виде красного муската, я чувствовала, что таю быстрее, чем ледник в Антарктиде.

— Живу одна. Улица Пушкина, дом двадцать два, квартира восемь. Приезжайте.

Босс выпучил глаза, отчего сходство с актером исчезло. Я смутилась. Он оглянулся, убедился, что рядом никого и предложение исходило из моих уст. Посмотрел еще раз.

— Я люблю вас, — прошептала я одними губами.

Музыка предательски закончилась. Я не убирала руки с его плеч, он продолжал держать меня за талию.

— Не уходите.

Я знала, что должна отпустить. Его ждет жена. Сидит за столиком, нервно тербит скатерть и смотрит в нашу сторону.

Руки сжимали мужские плечи, я ногтями цеплялась за ткань его пиджака, как за последнюю надежду на счастье. Он мягко отстранился, сжал мои ладошки и ласково улыбнулся. Так обращаются с детьми. С маленькими капризными детками, которые хотят больше, чем могут иметь. А с женщинами так не поступают. С достойными и шикарными не поступают. А со мной, наверное, можно. Я вернулась к столу, схватила сумочку и выскочила на улицу в надежде найти спасение в сигаретном дыме. Руки тряслись и лишали всяких попыток чиркнуть зажигалкой. От бессилия выступили слезы.

— Черт! Черт! Черт!

— Молодая девушка, а ругается как сапожник, — произнес кто-то совсем близко.

Я замерла и повернулась на звук. По законам жанра на этом месте должна была оказаться обожаемая мной личность. Тот единственный мужчина, ради которого я четыре месяца исправно хожу в офис и терплю нелюбимую работу. Но по закону подлости рядом со

мною собиралась покурить его жена.

— Вас Леной зовут вроде бы? — выпустила она струйку дыма в ночное небо.

— Викой.

Я была уверена, что мадам Плетнёва спутала имена нарочно. Ей не нравилась моя смелость, этот совместный танец с шефом. Не нравилась я.

— Лена, Вика, — продолжала она елейным тоном, — все вы на одно лицо.

Я чувствовала, как запылала щеки и к горлу подкатила тошнота. Вот коза! Сама на себя посмотрела бы. Лицо такое, будто бегемот жевал, а потом выплюнул. С ее данными внешность корректировать надо раз в неделю. Тем более, имея такого мужа-красавца.

— А ваше лицо не забудешь, — не удержалась я от ответа.

Выкинув недокуренную сигарету, я вернулась внутрь. Музыка гремела, народ плясал, проявляя чудеса пластики. Шефа нигде не было видно. Очень жаль. Пока за ним не приглядывает мегера, можно успеть совершить последний отчаянный шаг.

— Виктория, вы дрожите.

На плечи опустился мужской пиджак, и меня окатила волна тепла. Резко обернувшись, я почти упала в объятия Виктора Плетнева.

Местный Мистер Твистер — бывший министр, идеал из мечты, стоял напротив, заглядывал в глаза и не спешил исчезать. Я, как загипнотизированная, смотрела в его темные зрачки не мигая. Что хотела там найти? Ответ на мое предложение? Ответную симпатию? Тень согласия? Что?

— Виктория...

Он сделал паузу, приподнял бровь, опустил глаза.

— Да? — выдохнула я, рисуя в воображении ночные картинки. В животе затрепетал рой бабочек. Мы вдвоем. Я и он. Яркие звезды, пузырьки шампанского в бокале, шелковые простыни, музыка, свечи.

— Виктория, — он поднял глаза и посмотрел прямо, как строгий учитель, — Вика, прекратите меня соблазнять.

Мне как будто дали пощечину.

Я застыла на месте. Превратилась в монолитный камень, как древнегреческая статуя.

Когда выпала из образа разочарованной богини, мужчины рядом не было. Сколько времени я провела в загипсованном состоянии, не имела представления.

Голова ничего не соображала, но тело уже оттаяло и было способно передвигаться. Шум в ушах давил на нервы, заставлял хмуриться и искать спасение в вине. Надо было покинуть вечеринку, желательно срочно. И на следующий день уволиться из офиса. Но пока мозг играл со мной в прятки, я совершала какие-то бессмысленные движения. Помню только, что проходя мимо столика, где сидела мадам Плетнева, демонстративно трянула плечами, мужской пиджак упал ей под ноги.

— Кажется, это ваше.

Это была моя последняя фраза на корпоративе «Дон-маркета».

Я осталась одна. Без мужчины и без работы.

Утром осознала масштаб трагедии, но было поздно. Пыталась посмотреть на ситуацию с другой стороны, вдохнуть воздух свободы и взглянуть в позитивное завтра, но никак не удавалось. Я думала о себе в минорных тонах и никакие мотивирующие лекции в плеере не помогали. Но бог, наверное, для того и наблюдает за нами с небес, чтоб своих нерадивых

отпрысков направлять на путь истинный. Помог Женька. Мой друг, верный Женька. Что бы я без тебя делала? Благо, ты появился в тот период, когда в меня никто не верил, да я и сама не верила, что могу стать певицей. Ты стал невидимым щитом, опорой, поддержкой, изгнанником депрессии и сомнений.

Я решилась на кардинальные сдвиги. На перемены, которые в привычной жизни считала уделом сумасшедших. Меня ничего не держало в этом городе, и я приняла вызов. Зачем сидеть и страдать, лучше рискнуть и попробовать.

Сейчас, оглядываясь на прошедшие события, я рада тому, что всё произошло именно так. Я решила уехать в Москву.

Тогда я слабо понимала, куда и зачем еду. Чем буду заниматься в огромном мегаполисе, где жить? Я намеренно уезжала. Москва — город огромных возможностей, это лотерея. Во все времена сюда приезжают люди разных национальностей в попытке вытащить свой счастливый билетик. И если я решилась изменить жизнь, то кардинально.

В мучительных попытках унять душевные переживания после корпоратива, я задумалась: чего хочу на самом деле? Меня тошнило от офисной работы, однообразных будней, сухих цифр на бумаге. Тогда что?

Самое сложное в жизни, понять, чего ты хочешь. Второе по сложности — договориться с самим собой. Наверное, мне мало было выпавших на голову бед, я взвалила на плечи глыбу под названием «смысл жизни» и ушла с корнями в чернозем. Копалась в себе долго и настойчиво. И это принесло результат. Я поняла, чем хочу заниматься. На разных этапах жизни я видела несчастливых людей. Они были везде: в школе, в институте, на работе. Педагоги, деканы, мои сотрудники и даже начальники были недовольны своей жизнью. И не могли этого скрыть. Они не любили то, чем занимались. А я не хотела быть на них похожей. Жизнь дается лишь раз и прожить ее вот в таком глубоком негативе совсем не хотелось.

Отбросив шелуху вроде машин, квартир, шуб и бриллиантов, поняла, что хочу петь. Да, петь. Я мечтала стать звездной певицей, чтоб из каждого приемника Виктор Валентинович слышал мой голос. Я была лучшей в школьном хоре, когда-то мечтала стать певицей, но детские фантазии только веселили моих родителей. Они не видели в этом направлении стабильного будущего, приводили статистику других профессий, и в итоге я сдалась. Закончила финансово-экономический факультет, окончательно похоронила мечту.

И вот сейчас, в самые тоскливые дни моей жизни, она проснулась, запела в полный голос и потребовала реализации.

Есть простой способ понять, что делать в жизни. Придумала не я, но я им пользуюсь. Представьте на минуту, что вы встретили идеального себя (идеальный вы — это тот, каким вы хотите себя видеть). Посмотрите внимательно. Какой он — этот человек? Представьте вашу встречу в мельчайших подробностях. Как он себя ведет? Какая у него прическа? Какое выражение лица? Как он одет? На каком авто приехал? Откуда прибыл? Этот человек успешен. Он умеет ставить цели и знает, как их достигать. Это ваш эталон. Представили? А теперь задайте один простой вопрос: чем он занимается в жизни. Его ответ и есть ваша цель.

Именно из-за того, что мы занимаемся не тем, для чего родились, все проблемы и случаются. Почему люди, которых называют офисным планктоном, каждую пятницу идут в бары и активно выпивают? Именно поэтому. Они терпят всю неделю. Терпят недовольство, душат в себе мысли, уговаривают внутренний голос, наступают на горло собственной песне. Убеждают сами себя, что так надо, что это не худший вариант и все так живут. Как хочется —

не бывает. Это только в сказках и в кино. А здесь, в реальной жизни, все не так: скучно и однообразно. Человек чувствует, что занимается не своим делом. Ему плохо, его душа и сердце просят пощады, но... Всесильные обстоятельства диктуют свои условия. Это проявляется в том, что мы идем на компромиссы. Мы говорим сами себе: «Да, работа мне не по душе, но зато близко от дома. То, чем приходится заниматься, просто отвратительно, зато платят хорошо. И график удобный». Это гениальная западня. Никто и никогда не признается себе: «Я живу серую унылую жизнь. Из радостей только пиво по пятницам, родительская дача по субботам и море раз в год. Я ничего не изобрел, и моим потомкам нечем будет гордиться».

Мы сдаем свои позиции по чуть-чуть, по капле. Почти незаметно, но постоянно, не переставая. Мы получаем знаки от подсознания, но не реагируем на них. Например, нежелание в понедельник идти на работу. Но мы это списываем на лень, у всех же так. Никто не хочет работать. Никто не хочет после выходных рано вставать.

Да с чего мы это взяли, что никто? Есть немало людей, которые бегут на работу. Это те, кто занимается своим делом. Своим любимым делом. И я хотела так же. Я хотела заниматься тем, что мне нравится и чтоб за это мне еще платили гонорар. Я прямо почувствовала эмоции, состояние счастья. Работа может и должна приносить удовольствие.

Я видела вокруг, что многие продолжают прогибаться, считая, что жизнь — это нечто такое, что как бы случается с человеком. Само собой. И заниматься поисками своей особой дороги нет смысла (и желания). Думают, что создать себя, свою жизнь и свои правила — сложно. Большинство даже не пробует что-то поменять. А как можно знать, что за дверью, если ее даже не пытаешься открыть? Я стала цепляться к подругам с вопросами: «О чем ты мечтаешь?», «Какая твоя главная цель в жизни?». И была поражена, что многие затрудняются ответить. Это поразительно. Почти все, кого я спрашивала, растерянно пожимали плечами. А те, к кому я приставала более настырно, нервничали. «Какая цель?» — возмущались они. «О чем ты?» По правде говоря, лишь один Женька ответил четко. Он мне рассказал свою теорию по поводу цели в жизни, и это меня заинтересовало.

— А чего ты ждала? — удивился он, когда я в унылом настроении пересказывала ему разговоры с подругами.

— Я думала, что человек знает, чего хочет, — плаксиво сказала я.

— Разочарована, правда?

Я согласно кивнула.

— А давно ты сама поняла свое предназначение?

Я устала на Женьку, понимая, что говорит он чистую правду. Две недели назад я добивалась внимания своего начальника и ради этого работала в его фирме, выполняла задачи, которые мне не нравятся. Зачем? Для чего? Что я делала со своей жизнью? Понимание глупого отношения к собственному будущему расстроило. Женька мягко улыбнулся и продолжал:

— Самый ценный подарок — наша жизнь — достался человеку бесплатно. От этого все беды. Люди не знают, что с ней делать. Поэтому повторяют шаблоны поведения родителей, копируют знакомых и живут старыми схемами. Как большинство, как все. Люди готовы бежать за автобусом, чтобы сэкономить несколько минут, а что делать с жизнью в целом, не знают. Но самое страшное, что люди в большинстве своем в принципе никогда не задумываются, для чего они живут. А зачем? Есть же распорядок: сначала в школу, потом в вуз, затем на работу и в конце на пенсию. Только это все для чего?

Я подумала, что так живут все. Все, кого я знаю. А тех, кто живет иначе и с кем не знакома лично, я часто вижу по телевизору. Это они смогли, рискнули, перебороли. Всех их объединяет одно — каждый знал, чего хочет от жизни.

— Что мне делать, Женя?

Он взял мои руки в свои и легонько сжал.

— Четкое осознание цели — половина успеха. Нужно сделать самый первый шаг — решиться работать над собой. Перестать болтаться на ветру, словно осенний лист, и взять ответственность за свою жизнь в свои руки.

— Хорошо сказано, — скептически улыбнулась я, — только как?

— Для начала просто поверить в то, что все возможно. Все, что ты хочешь. Абсолютно. Нам столько раз говорили, что ничего добиться нельзя. Вот мы взяли в это и поверили. Нам постоянно указывают дома и в школе, что мы должны знать свое место. Что все давно куплено и продано. Но мы с тобой выросли и должны знать совершенно другую истину: у нас есть все, чтобы жить той жизнью, о которой мечтали.

У меня радостно заблестели глаза. После меланхолических рассуждений подруг, Женкина речь была инопланетно позитивной. Правильной, грамотной. Я слушала и понимала — это про меня.

— Во-первых, не жди быстрых результатов. Ты не можешь научиться петь за сутки. И не соберешь урожай картошки через неделю после посадки. Сливы не созреют в мае, даже если ты будешь поливать дерево каждый час. Всеу свое время. Чтобы стать профи, требуются годы оттачивания навыков. Поэтому к финишу приходят только те, кто понимает, что дорога предстоит неблизкая. Те же, кто ждет результата «здесь и сейчас», бросают мечту после первых неудачных шагов. Ты ведь не такая? Если решилась, не бросишь?

Я подумала, что буду очень мудрой и чужих ошибок не повторю. Женька одобрительно подмигнул. Продолжил:

— Во-вторых, нужно получать удовольствие от процесса. Каждый день. Понять, что цель далеко, — это только часть успеха. Второе слагаемое результата — приятные эмоции. На пути у каждого есть моменты, когда кажется, что ничего не выходит. Ты будешь надирать горло, но твои песни никто не услышит. Ты можешь истязать себя уроками вокала, но ни один продюсер с тобой не знаком. В такие секунды легче всего остановиться. Но ты должна понимать, что ты все равно на пути. И если сейчас в этот самый момент не видишь очевидного прорыва, это не значит, что его нет. Механизмы уже запущены.

Я подумала: что бы я делала без Женьки? Раскисла и не решилась бы на перемены.

Мы учились в одном классе. Вокруг меня всегда вилось много мальчиков, добивающихся симпатии. Он был в их числе. Я не замечала его знаки внимания, не оборачивалась, проходила мимо парнишки в очках. В силу подростковой непосредственности, чувствовала свое превосходство над одноклассницами. Я нравилась мальчикам, они — нет. У меня была грудь, у них пока нет. На волне мнимой популярности считала себя вольной выбирать того, кто проводит домой, понесет портфель или даст списать задание.

Однажды он решил выделиться и пригласил на свидание. «Свидание» — такое смешное слово. Я рассмеялась ему в лицо. Нам всем хотелось скорее повзрослеть, но слова из той, будущей жизни, типа: «девушка», «свидание», «жених» для нас, тринадцатилетних детей, были действительно нелепыми и смешными. Это сейчас «поколение next» употребляет в лексиконе модные словечки, а тогда все было чинно и культурно. По-пионерски.

Он пропал с поля зрения на несколько лет. Ушел из класса, сменил школу. Говорили переехал. Потом возник на выпускных экзаменах. Подтягивал по геометрии, готовил к экзаменам. Все летние вечера проводил со мной: пел под гитару, возил на озеро, собирал на лужайках цветы. Такое поклонение льстило, но я не видела в нем своего парня. Мы продолжили общение в другой плоскости. И Женька стал моим лучшим другом.

Другом, который всегда рядом. И в такой переломный момент он был со мной. Сказал, что верит в успех. Я обязательно стану звездой. С его помощью я купила билет в Москву.

Вокзал напоминал засохший в поле подсолнух. Вроде есть что-то живое, но такое не привлекательное, что лучше бросить и оставить досыхать, чем реконструировать. Поезд отправлялся через пять минут. Меня никто не провожал. Я чувствовала наступление истерики. Она липким комом накатывала и пробиралась под кожу. Заставляла трепетать и судорожно глотать воздух.

Поезд тронулся, а я так и продолжала трястись как осиновый листик. В вагоне было душно, но меня трясло будто от холода. Куда еду? Зачем? Что ищу? От чего бегу? От кого? А там что? Миллионы вопросов и ни одного вразумительного ответа.

В Москве жила моя школьная подруга Маринка, я собиралась остановиться у нее. Написала Маринке номер вагона и время прибытия. Она обещала встретить. Временно буду жить у нее. Спасибо, что согласилась.

Мысли бродили свинцовыми тучами, пальцы дрожали, я упрямо сжимала челюсти, чтоб не выдать эмоций. Женька обещал проводить, если утомит маман, но на перроне так и не появился. Стало грустно и как-то особенно одиноко.

В купе зашел парень. Что-то сказал. Наверное, поздоровался. Я оглянулась. Не Женька. Вернулась к окну, уткнулась носом и смотрела на удаляющийся город. Из глаз покатались слезы. Где-то там, за зелеными веточками тополей мелькает мой дом. Белые плитки, желтые балконы. Там я родилась и провела свое детство. Там остались мои подруги, с которыми дотемна играла в классики, прыгала через резиночку, стреляла из рогатки, изображая Робин Гуда, водили Панаса, менялись вкладышами, играли в выбивала. Там осталась целая радостная, как резиновый разноцветный мячик, весело отскакивающий от стены, жизнь.

Из глаз покатались слезы.

Виктор Валентинович... Женька... Жизнь в маленьком городке. Все привычно, размеренно. Люди работают, дома смотрят телевизор, солят огурцы и обсуждают новости. Летом все в светлом, осенью в темном. Все однотонно. Монотонно. Говорят о ценах, продуктах, зарплатах, ежедневных мелочах. Одно и то же. «Деньги нужно экономить», «Нарядную одежду нужно беречь», «Принцев не бывает», «Не высовывайся и не выделяйся», «Будь как все». А как может быть иначе в провинции?

Попутчик вышел. Я все так же сидела и смотрела в окно. Мелькал пейзаж, кружилась голова. Воспоминания теребили душу. Сначала пыталась зацепиться взглядом за убегающие деревья, но потом отбросила эти попытки и отпустила. Отпустила этот город.

Не помню, как уснула.

Проснулась утром, парня в купе нет. Достала несессер, собралась на выход. Тут дверь распахнулась, появился парень с полотенцем на плече.

— Доброе утро.

Я улыбнулась во весь рот.

Парень дернулся и резко отшатнулся, ударив головой зеркало на двери. Изображение задрожало, отразив мое перепачканное вчерашней косметикой лицо. Потoki слез нарисовали черные вертикальные полосы, ресницы слиплись. Настоящая ведьма.

— Я думал, вы немая, — произнес парень, возвращаясь на место.

— Да? Почему вы так решили?

Я усердно оттирала вафельным полотенцем щеки.

— Вчера я пытался с вами разговаривать, задавал вопросы. А к вечеру смирился, что еду с глухонемым человеком. Вы все время в окно смотрели и плакали. Еще подумал: как больного человека отпустили одного в большой город?

Мы смеялись и даже подружились. Обменялись телефонами и расстались на вокзале. Не думала, что когда-то еще встретимся. Так, формальность. Он спросил, я продиктовала. На всякий случай в контактах подписала «Денис из поезда».

Даже представить не могла, что он очень скоро появится в моей жизни вновь.

Глава 4

Жизнь в столице закрутилась, завертелась и помчалась с такой быстротой, что только успевай листать календарь. Это не монотонные будни провинции, а бешеный ритм большого города.

Я жила в малюсенькой комнатке, которую мы делили на троих: я, Маринка и Светка (Маринкина подруга), добиралась два часа до места работы (за которую была тоже благодарна подруге).

Теперь мы с одноклассницей работали в одной корпорации, но виделись только в обеденный перерыв и вечером дома. Я научилась улыбаться, даже когда на душе тоскливо, не замечать хамства, варить кофе литрами, вежливо разговаривать, сортировать корреспонденцию, все успевать и запоминать.

— Алло, Вика?

— Да, Вика, — подтвердила я, пытаясь припомнить этого «Дениса из поезда».

— Виктория, я тут подумал... Может, встретимся?

— Где?

— Где захочешь.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Приглашаю на прогулку.

— Но уже поздно, — я взглянула на часы.

— Ночная Москва зрелище незабываемое.

— Наверное, ты прав.

Я подумала о том, что слишком быстро влилась в рабочий поток, обросла делами, старалась работать больше, чем от меня ждали. И нигде еще не была. Ничего не видела. Разве для этого я приехала в Москву?

Пока я раздумывала, Денис терпеливо молчал.

— Вика, ты согласна?

— Да.

Я приняла решение. Мы договорились о встрече через час.

Что толку приехать в этот город со своими амбициозными планами и все время просиживать в квартире, ссылаясь на отсутствие настроения, поздний час, занятость или непогоду. Это я и объяснила Маринке. Она меланхолично щелкала пультом, меняла картинки на экране и с удивлением смотрела, как я лихорадочно собираюсь.

— Ты на свидание? — уточнила она.

— Нет, просто погулять.

— С мужчиной?

— С парнем.

— Тебя ждать?

— Нет. Ложись, отдыхай. Полюбуюсь ночными огнями и вернусь.

— Утром? — не отставала подруга.

— Мариш, ты же сама говорила, что метро закрывается в час ночи. Значит, должна вернуться раньше. Теоретически.

— Ага, так и поверила. Вторую неделю в Москве, уже кого-то нашла и на свидание

намылилась. Не вернешься.

Маринка была права. Познакомиться с нормальным парнем в транспорте практически невозможно. Ушли времена Гоши с самоваром в электричке. В этом большом и гордом городе, наполненном амбициозными людьми, все иначе.

Дениса я узнала сразу.

— Привет.

Я подошла вплотную.

— О... — только смог выдавить мой кавалер.

— Не узнал?

— Узнал.

— Не узнал, — захихикала я.

— Ты такая... Красивая.

— Готова спорить, что ты запомнил меня глухонемой.

Маринка была права. Я не вернулась домой. Мы замечательно провели время, гуляли, смотрели, фотографировались, общались и смеялись.

— Пойдем на мост, — предложил Денис.

Пока мы переходили дорогу, взбирались на мост, прошло не больше десяти минут. Но за это время погода умудрилась испортиться. Как в Лондоне, честное слово. Вот только было тепло, а сейчас погода напоминает глубокую осень. Разве такое бывает? Несмотря на пронизывающий ветер и нависающие над рекой тучи, вид открывался чудесный. Прямо под нами проплывали прогулочные парходики, а по широкой дороге в несколько рядов мчались машины. Красивые, блестящие, дорогие. Я жадно ловила красочные эпизоды московских картин и впитывала, впитывала новые незнакомые ощущения.

— Ну как? — спросил Денис.

— Восхитительно.

— Замерзла?

— Замерзла.

— Почему легко оделась?

— Так лето.

Парень улыбнулся.

— Знаешь как в Москве говорят? Июнь — еще не лето, август — уже не лето.

— Так говорят на севере, — поправила я.

— А ты сейчас где?

— В Москве.

Он снова улыбнулся. И предложил спуститься погреться в кафе.

Должна признаться, тот вечер помню не очень... Даже очень не помню... Помню большую пиццу, пиво. Я не могла согреться. Пальцы онемели от холода. Денис пытался на них дуть, согревал дыханием. Я сказала, что лучшее горячительное — водка. Она разогревает кровь и убивает зарождающуюся простуду.

Не знаю, что она убила во мне в тот вечер, но память стерла напрочь.

Утро началось как-то не так, как я планировала.

Дикая головная боль и пересохшее горло не давали ясной картины произошедшего. Я проснулась в чужой квартире, рядом на кровати лежал абсолютно голый мужчина. Это

обстоятельство смущало. Аккуратно, чтобы не разбудить спящего человека, выскользнула и побрела в сторону кухни. Ужасно хотелось пить. В голове плыл туман. Душ с холодной водой не принес видимых результатов. Стало легче, но память не вернулась. Это расстраивало.

— Вика, Викуля.

Дверь, закрытая на щеколду, задергалась.

— Вик, открой дверь.

— Зачем? — я вжалась позвоночником в стену.

— Как это зачем?

— За-чем?

— Хочу к тебе.

— Скоро выйду.

Я не готова была к такому повороту событий. Чтоб собраться с мыслями, нужно было время. Минут пятнадцать я пряталась в заточении, но Денис оказался настырным парнем, стучал в дверь, звал на кофе.

Пришлось выйти. Мы посмотрели друг другу в глаза. Да, такое короткое знакомство, а как много разных образов.

Кофе пили молча. Я смотрела в окно, тихо надеясь, что сегодня выходной, и я ничего не перепутала.

— Как закончился вчерашний вечер? — Решилась задать сакраментальный вопрос.

— Ты что, ничего не помнишь?

Он был искренне удивлен.

— Прости, но иногда такое с людьми случается.

— Вообще ничего? — уточнял он.

— Я бы сказала совсем немного.

Он погрустнел, уткнулся в свою чашку и замолчал.

— Денис, я помню пиццу, пиво. Мы сидели в кафе под мостом.

— Да.

— Ну, а потом что? Закрылось метро, и ты меня позвал к себе?

— Нет. Ты хотела танцевать. Мы поехали в другое заведение.

— В клуб? — уточнила я, напрягая память изо всех сил.

— Нет, просто в другой бар.

— Зачем?

— Ты так хотела. Хотела петь и танцевать.

— И?

— И мы поехали.

— Понятно.

«Интересно, на что способна девушка в неконтролируемом состоянии?»

— Ты сказала: «Давай будем совершать необдуманные поступки».

— Я так сказала?

— Да. Ты кричала, что мы живем в Москве и должны добиться мечты. Мы заказали водку и селедку. А потом ты решила спеть.

— Я пела?

— Ну, да.

— О, господи.

— Ты хорошо пела, — успокаивал Денис.

— Надеюсь, ты меня забрал?

— Я хотел. Но ты не хотела.

— А люди?

— А что люди?

— В зале были люди? Вообще, мы поехали в многолюдное кафе? Как называется?

Я нервничала.

— «Полюс» называется. В моем районе. Нормальное кафе.

Я поклялась, что больше никогда не появлюсь в «Полюсе».

— Это был караоке-бар?

— Нет. Ты сказала, что хочешь петь, и я договорился с музыкантами.

У меня начали шевелиться волосы на затылке. Глаза увеличились в размере.

— Ну что ты так переживаешь? Все было прилично, пока...

— Пока что?

— Пока ты не начала танцевать.

— Какой кошмар!

Я обхватила голову руками и зажмурила глаза. Неужели это правда, а не сон? Одно дело петь. Голосом меня боженька не обделил, согласна. Но это не значит, что я умею и все остальное. Вокал не предполагает танец. И наоборот. Этот принцип работает в моем случае. Я обладаю хорошими вокальными данными, но абсолютно не научена двигаться на сцене.

— Ты красиво танцевала, — стал успокаивать меня Денис, — людям понравилось.

— Да?

— Да. Все тебе аплодировали.

— Неудивительно, — пробурчала я, — такая бесплатная развлекательная программа.

— Почему бесплатная? Тебе деньги совали.

— Куда?

— Ну... — засмутился парень.

— И я их брала?

— Да. И опять пела. И танцевала.

— Господи! — в который раз взмолилась я.

Рывком поднявшись, я решила поскорее сбежать домой. Денис смотрел печальными глазами. Наверное, я должна была что-то успокоительное ему сказать на прощание.

— Вообще-то, я не пьющая.

— Да?

Он не поверил.

Ушла я от Дениса ближе к обеду. Настроение старой щеткой пакостно скребло внутри. Стыд заворачивал плотным поролоном холодный субботний день. Выйдя на своей станции, решила пройтись и проветрить мозги. В сумке зазвонил мобильный. Экран светился именем абонента «Денис из поезда».

— Лучше бы он там остался, в поезде, — проворчала я и отключила телефон.

Маринка оставила записку, что отправилась на рынок. Светка уехала на выходные домой, так что квартирка была в полном моем распоряжении. Я рухнула в кровать не раздеваясь.

— Вика! Вика, просыпайся!

— Что случилось?

Я с трудом разлепила глаза и села на кровати. По комнате металась Маринка, издавая

какие-то утробные звуки. Она руками закрывала лицо и тряслась как эпилептик в припадке.

— Марин, что с тобой?

— Больно! Мне больно! — выла подруга.

— Маришка, что случилось?

— Обожглась.

Я кружила вокруг, как испуганная птица возле гнезда, не зная, чем помочь. Маринка рыдала, чертыхалась и на мои просьбы убрала руки от лица.

Я закусила губу и прикрыла ладонью рот, чтоб сдержать эмоции. Выглядела она как Баба Яга без грима. Нос, щеки, губы, подбородок и шея покрылись красными бугристыми пятнами. Мимика причиняла ей сильную боль, ревела она беззвучно и старалась не двигать губами.

— Маришка, чем тебе помочь?

— Печет, — хныкала подруга, стараясь не прикасаться к лицу.

— Тебе нужен доктор.

— Спаси меня, — слезы капали на пол, — сейчас спаси.

Я металась по квартире, не зная, что ей предложить. Забежала на кухню, схватила крем от ожогов, выдавила на ладонь и стала аккуратно размазывать жирную консистенцию по обожженным местам. Она мужественно терпела и отвечала сквозь сцепленные зубы.

— Как тебя угораздило?

— Печень жарила.

— И что?

— Она стрельнула. Раскаленным маслом мне в лицо. Больно, — застонала подруга.

— Сейчас, сейчас. Марин, ты не знала, что масло может стрельнуть? Зачем лицо подставила?

— Умная какая! — процедила Маринка.

— Прости, ведь не первый раз ее готовишь.

— Вика, ничего, что от тебя перегаром за версту несет?

Пришлось закрыть рот, молчать и дышать через нос.

Через час Маринке стало легче. Мы приняли успокоительного в виде бокала красного сухого и мне тоже полегчало. Марина больше не стонала и не плакала. Лежа на кровати, она раздавала указания и гоняла меня из кухни в комнату.

— Вика, принеси попить.

Я протянула стакан с водой и вернулась дожаривать злополучную печенку.

— Вик, а трубочка? — кричала она из комнаты. — Губы болят.

Я соскребала пригоревшие кусочки, плакала от лука и злилась на Маринку.

— Вика, положи творог в холодильник. Я купила на рынке, он там в пакете на столе.

— Хорошо.

— Вика, подай журнал.

Тут я уже не выдержала:

— Знаешь что? — Я влетела в комнату, вытянув вперед ложку с остатками пригоревшей печенки. — Встань и сама возьми. У тебя ноги целые.

— У меня болевой шок, — заныла подруга.

Я открыла рот, чтобы сказать Маринке гадость, но входная дверь распахнулась раньше. С большими клетчатými сумками ввалилась Светка.

— Девочки, в чем дело? Почему телефоны отключены? Я ждала, что встретите на вокзале. Я им сумки тащу с едой, а они на кровати лежат.

— Светка! Приехала! — закричала «пострадавшая».

— А чем это у вас воняет?

Света скривилась. Я посмотрела, как Марина забирается обратно под одеяло, будто ее это не касается.

— Печень жареная. Смертельное производство с плачевным исходом. Видишь, у Марины аллергия, съела кусок и лицо покрылось слизью.

— Дура, — прошипела она из-под одеяла.

Света села на кровать, выпучила глаза. Забыв снять обувь, она прошагала осматривать «плачевный исход».

— Марин, что у тебя с лицом?

— Больно, — скривилась Маринка. — Обожглась.

— Как? Когда это случилось?

— Свет, все готово. Садись за стол. Печень будешь? — крикнула я из кухни.

— Не-а, — испуганно замотала головой она. И отсела подальше.

— Я обожглась, это не аллергия, — обиделась Маринка.

— Чем?

— Раскаленным маслом. В лицо брызнуло.

— Ой, бедненькая. Чем тебе помочь?

— Витка кремом намазала.

— А я слышала, соком сырого картофеля надо.

— Как я завтра на работу пойду? — захныкала Маринка.

Я вошла в комнату и распахнула окно для проветривания.

— Как обычно. Сначала пешком до остановки, потом на трамвае, затем на метро, еще раз пешком и ты в офисе.

Марина сверкнула молниями. Прищурила глаза и сказала Светке:

— Вика дома не ночевала.

— Интересно вы развлекаетесь в мое отсутствие.

— Тебе уже лучше? — я наклонилась к Маринке и выдернула из-под ее головы подушку.

— Вик, где ты была?

Колесница по имени «женское любопытство» запустилась. Теперь ее не остановить.

— У парня.

— Кто он? — не отступала Света.

— Денис. Денис из поезда.

— Этот тот, который считал тебя глухонемой?

— Все верно.

— Ну, и как?

Света улыбалась. Я не разделяла восторгов. Хотелось как можно быстрее закрыть тему.

— Замечательно.

Но они меня не отпускали.

— Вика, ну хоть что-нибудь расскажи, как вечер провела? — заныли обе.

— Нет, — я отрицательно махала руками.

— Викуся, ну хотя бы то, за что тебе краснеть не придется. Что-то приличное.

На секунду задумалась:

— Нет такого.

— Ничего себе, — округлила глаза Света.

— Во дает, — изумилась Маринка.

Больше не приставали.

Я заблокировала контакт «Денис из поезда» и вычеркнула из памяти неудачное свидание.

Наступила осень. В Москву приехал Женька.

Меня всю жизнь обманывали мужчины.

Говорят, что женщина сама виновата, сама позволяет себя обманывать. Может быть.

А может быть мы, девушки, настолько наивны, что обмануть нас проще простого?

Женя был типичным ботаником. Очень много учился, говорил правильно, был аккуратен и вежлив. Эдакий герой нашего времени. Симпатичный домашний мальчик. После школы серьезных попыток ухаживания он не предпринимал, но его незримое присутствие я чувствовала постоянно. И мне это льстило.

Одноклассницы завидовали. Только у меня был такой преданный рыцарь, благовоспитанный поклонник-друг. И поможет, и пожалеет, и заступится. Моя привязанность с годами крепла и переросла в настоящую дружбу. Такой дружбы не бывает только между женщинами или мужчинами. Женька оказался неплохим психологом, с готовностью делился со мной тонкостями мужского понимания мира. А так как он был вхож в оба дружеских лагеря — мужчины его ценили за разумные суждения, а женщины — за обходительность, готовность помочь и поистине галантные манеры, то, как понимаете, цены ему не было. Я прикипела к Женьке всей душой.

Поначалу я делилась с ним любовными переживаниями, но в последствии поутихла с рассказами.

Первый мой парень, представленный Женьке, не был одобрен.

— Знакомьтесь, — весело щебетала я, — это Женька, мой лучший друг. А это, — мой взгляд мгновенно теплел, — это Лешка, мой парень.

— Рад.

Коротко поздоровавшись, Женька извинился, сослался на неотложные дела и удалился.

В тот момент я была охвачена любовным увлечением и на некоторое время забыла о друге. Вспомнила, когда Лешка променял наше свидание на поход с пацанами в баню.

— Как он мог? — стонала я в трубку телефона, не задумываясь, набрав Женькин номер.

— Что здесь тебя удивляет? — холодно отвечал мой друг. — Ты для него — яркая конфетка, тобой можно гордиться, демонстрировать друзьям. Еще бы, такая красивая девушка с ним рядом! Но на самом деле он тешит свое самолюбие, он тебя не любит. Он посредственный. Ты достойна лучшего.

Далее следовало перечисление всех слабостей мужского пола, заключенного в единственном Лешке. И уши у него оттопырены, и прическа не идеальная, и неровные пальцы. Безымянный длиннее указательного. Что, согласно старому цыганскому поверью, свидетельствовало о человеке хитром и лживом. По всем параметрам выходило, что он мне не пара. И как только Женька успевал рассмотреть недостатки моего парня за такое короткое время? Я каждый раз поражалась проницательности, а друг довольно пожимал плечами и говорил неизменное:

— Поэтому я никогда не влюбляюсь. Чувства мешают видеть реальность происходящего. Зачем он это делал?

Он расшатывал болезненную привязанность, слепую веру, рубил надежду в безоблачное будущее. Он хотел, чтоб я трезво смотрела на вещи и на людей. Пусть методы были жесткие, но зато действенные. Я переставала всецело доверять. И начинала борьбу за свое «Я».

Стоит ли упоминать, что дальнейшие мои знакомства с представителями противоположного пола сводились к неудачным романам?

Костик не вышел ростом, Макс был груб и не отличался красноречием, Ромка — толстоват, а его ранние залысины, как утверждал Женька, образовались не от большого ума, а от почесывания кожи головы. Здесь Женькины версии уходили корнями в глубь проблемы под названием «перхоть» и кожный грибок. Одним словом, никто из них меня не был достоин.

После провального корпоратива «Дон-маркета» я решила Женьке ничего не рассказывать. Не призналась я и про Дениса из поезда.

Мы сидим на кухне его маленькой съемной квартирki и смотрим друг другу в глаза. Жалостливые речи льются рекой. Сама не ожидала, столько всего накопилось.

Прожив в столице полтора месяца, поняла, что превращаюсь в обычного гастарбайтера. Дом-работа-дом и вечная экономия денег. Эта круговая схема не предвещала ничего хорошего. И она мне не нравилась. Я стала автоматически проноситься мимо всех красот природы, не обращать внимания на попрошак в метро и даже не заметила, как наступила осень.

Женька слушает, молчит и улыбается одними глазами. Я продолжаю говорить, смотрю в окно. За стеклом моросит осенний дождь, сонно сползают мелкие холодные капли. Серый туман смывает яркие краски с деревьев. Небо свинцовыми тучами давит на землю, заставляя людей опускать головы и смотреть себе под ноги. И вот уже все вокруг заполняет один цвет — серый. Серые лужи, серый небосвод, темные от влаги здания. Дождь хлещет по стеклу, набирая силу. Я смотрю на город, в котором сыро, темно и уныло. Грусть подкрадывается незаметно, набрасывает свои искусные сети, сгоняет с лица улыбку и заставляет признаться Женьке: я не этого хотела. Хотела ярких красок, огней, акустики, сцены, нарядов. А сейчас сижу на кухне, пью коньяк, грущу и думаю, что надо менять свою жизнь.

— Что это с тобой, малыш?

Только Женька называл меня так.

— Загрустила.

— Ничего, такое со всеми бывает. Главное, не терять свои ориентиры. А ты за каких-то полтора месяца их потеряла. Чего ты хочешь?

— Хочу стать звездой.

— Похвально, — кивнул друг. — А что ты для этого делаешь?

Я подняла глаза и посмотрела на Женьку.

— Как это — что?

— Ты ищешь объявления, регистрируешься в базах, ходишь на кастинги, участвуешь в конкурсах? Подрабатываешь в ресторанах на банкетах? Суешься везде, где тебя могут заметить и дать хоть один шанс? Что ты делаешь для того, чтобы стать певицей?

Я опустила глаза и втянула голову в плечи.

— Не обижайся, Вик. Сама знаешь, что никто не придет и не предложит. Такое только в сказках бывает. Действовать надо.

Я согласно закивала. Он прав. Абсолютно прав.

— Давай начнем? Например, завтра. Пойдем в караоке-бар и ты попробуешь.

— Какой бар?

— Какой-нибудь крутой. Не будем мелочиться. Я слышал такие истории, наверное, ты

тоже. Девушки приходят в самый дорогой караоке-клуб и поют, поют. Никого к микрофону не подпускают. Солируют весь вечер, а в зале могут сидеть разные люди — и продюсеры, и директора музыкальных коллективов. А тебе кто мешает? Внешность, голос, фигура — все при тебе.

Одобрительная Женькина речь подействовала как витаминный укол и вселила уверенность, что все будет хорошо. И это хорошо наступит прямо завтра. Там, в караоке-баре. Закончив с вливаниями крепких напитков в растущий организм, я попрощалась и поехала к Маринке. Грядущий день обещал стать особенным.

Она не верила в нашу дружбу, на тему Женьки я общалась с девочками крайне осторожно. И то, что он в Москве, не сообщила. Не нравилась мне вся эта таинственность и недосказанность, но я считала, что поступаю правильно.

Вселенная — дама с юмором. Она решила подкинуть мне испытание. Хочешь стать звездой — вот тебе шанс. И это не караоке-клуб. Это настоящий кастинг в самое популярное шоу.

Реклама о кастингах в поющее реалити-шоу шла по всей стране. Телевидение, радио, газеты — все говорили только об этом. Назывались города, даты, количество зарегистрированных пользователей на сайте, призы и подарки. Юными талантами эйфория проекта распространилась быстрее, чем австралийский грипп на планете. И прививки от жажды славы еще никто не придумал.

Я решила пройти кастинг в первый же день. Боялась, чтобы глаза у членов жюри не «замылились» и все мелькающие лица не слились в кучу. Поразить вокалом мечтал всякий, но я хотела удивить так, чтобы запомниться, а для этого надо было постараться. Это был реальный шанс, и я не могла его упустить.

— Тебя выгонят с работы, — заявила Марина, когда я объявила свое решение.

— Подожди, кастинг пройти надо, — отмахнулась Света.

— Тебе никто не даст отпуск на три месяца. Столько длится проект?

— Три, если дойти до финала, — подтвердила я.

— Вот. Сама подумай. Где ты потом найдешь хорошую работу?

— Я совсем не хочу работать в офисе, — тихо, но твердо ответила я Марине, — я хочу быть звездой.

— Да пусть попробует, — вступилась Света.

— Дурость все это, — фыркнула Марина и ушла в комнату.

Мы со Светой переглянулись.

— Поступай, как считаешь нужным, — сказала она и пошла вслед за Маринкой.

Я решила попробовать.

Осень хлестала дождем, гудела в проводах и водосточных трубах. Люди кутались в шарфы, прятались под зонтами и грелись в домах. И только самые отважные, ослепленные мечтой, бесконечной цепочкой окружили концертный зал. Их было так много, что я не могла найти конец очереди. Люди дежурили с вечера, стояли всю ночь, ночевали в палатках, голодали, и все ради того, чтобы попробовать стать звездой. И почти никто не верил, что может пробиться из этой нескончаемой очереди туда, наверх. Это было самым поразительным. И непонятым. Они хотели, но боялись. Эдакая попытка, отмазка самому себе: я пробовал, но не прошел. Мечта не сбылась.

Женька предлагал пойти со мной, но я была непреклонна. Штурмовать звездный Олимп я должна самостоятельно. Абсолютно уставшая, голодная и злая, где-то ближе к закату я взобралась на сцену. Вы думаете, я была одна? Как бы не так. Нас заводили на сцену по десять человек. Вот так, сразу десять девушек. Дали в руки листы с текстом, включили музыку, и мы хором запели. Кто-то усиленно вилял бедрами, кто-то старался всех перекричать, кто-то закатывал глаза и демонстрировал экстаз. Я старательно пела, вживаясь в образ, а в голове маячило только одно: «Как они могут понять в шуме наших голосов, кто как поет?» Это бессмысленно! Значит, отбирают по другому принципу.

«Думай! — приказала я сама себе. — Что они ищут?»

— Надо только платить, по-другому не попадешь, — судачили в толпе.

— Чтобы попасть в проект, надо пятьдесят тысяч баксов.

— Есть деньги, но нет связей.

Я старалась не слушать речи из толпы, они только расстраивали. Я верила. Вот хоть убейте, верила, что еще не все и не всегда решают деньги. Я знала, что не все покупается и продается. Я была уверена, что пройду.

Когда ведущий объявил: «Всем спасибо, все свободны», ко мне пришло озарение. Девушки покорно побрели за кулисы. Я вернула листок, но не отдала микрофон. Вложив всю душу в следующие строки, заголосила, подражая Мэрае Кэрри:

— Кэн ли-ив, кэн лив визаут ю-ууу.

На пару секунд все впали в ступор, таращась на единственную певицу.

— Девушка, верните микрофон, — сказали строгие судьи.

Ко мне подбежали охранники, но я строптиво увернулась.

— Кэн ли-ив! Кэн лив эни мо-о-о... — продолжала голосить я.

Микрофон отключили, и пока меня не вывели под руки со сцены, я цеплялась за последние возможности. С такой дикой страстью цеплялась, что это не могло остаться незамеченным.

— Я не сдамся без бою... — перекивая гам, продолжала солировать любимые песни.

— Девушка, прекратите! Все свободны!

— Я еще танцевать могу.

Уворачиваясь от людей в форме, я бегала по сцене, высоко подбрасывая колени, чем ужасно веселила толпу. Люди покатывались со смеху, держались за животы, падали на колени. Всеобщая истерия понравилась судьям, они сделали знак охранникам меня не трогать. Но я, увлеченная игрой в кошки-мышки, этого не заметила. Я сделала двойной переворот, колесо и через мостик вышла на шпагат. Скольжение в кроссовках далось с трудом, но тут результат был уже не важен. Я сидела на шпагате и чувствовала себя парализованной. Понимала, что встать обратно не смогу. Что делать? Пришлось звать охрану в качестве дружеской руки помощи. Толпа одобрительно гудела, судьи скептически молчали, я отсчитывала секунды до своей казни.

Плечистые парни отлепили непослушную певицу от сцены и поволокли за кулисы. Я не делала попыток вырваться. Не могла. Все потеряно. В голове пульсировала мысль, что я сделала все, что смогла. И теперь меня уносят. Как живой труп. Все конечно. Мечта разбилась.

Вдруг раздался голос в микрофон:

— Стойте! А ну верните эту циркачку.

Меня поволокли обратно. Из-за неожиданных физических упражнений, которые я

демонстрировала, мое тело забастовало и отказывалось держать равновесие. Охранникам никак не удавалось поставить меня на ноги. Я падала то вправо, то влево, как неваляшка. Толпа зашумела с новой силой. Кто-то аплодировал, выкрикивал одобрительные междометия, а я чувствовала себя инвалидом. Парни поняли, что не смогут оставить меня без опоры, принесли табурет. Но я мертвой хваткой вцепилась в руку одного из них, так и стояла, всем телом опершись на мужчину.

— Смотри, борется до последнего, — сказала женщина в первом ряду.

— Как зовут? — спросил седоватый мужчина в очках.

— Виктория Сергеевна Смирнова.

— Ну что, Виктория Сергеевна, хочешь попасть в проект?

— Это банально.

— Не понял? — мужчина приподнял седую бровь.

— Я буду звездой. С вашей помощью или без. Но если с вашей, то вы сможете заработать много денег, как продюсер.

— Не дерзите мне, девушка. Вы еще ничего не добились. Вы никто. Ноу нейм.

Он внимательно смотрел мне в глаза. Искал характер. Я не мигая смотрела ему в правый глаз. Знаю такой прием. Не всегда можно выдержать чужой взгляд, но если сосредоточиться на одной точке, а не дробить фокусировку, то все реально.

— Не подведу, — прошептала одними губами.

Он сделал знак и меня поволокли за кулисы, как пленницу. Под одобрительные улюлюканья толпы.

Через пять минут я поняла, что меня взяли. Меня взяли! Синяки на плечах и ссадины на коленях такая мелочь. Я была счастлива! Меня взяли!

Я выбыла, не дойдя до финала. Так случилось...

Можно оправдываться, что за моей спиной никого не было, как у других. Можно твердить, что все куплено. Можно ссылаться на плохой репертуар, ненавидеть любимчиков продюсера. Можно злиться на ленивый славянский народ, который не активно отправлял эсэмэски на мой номер в номинации. Можно искать тысячу причин для одного события.

Главное было понять — как жить дальше? После шоу.

Об этом не предупреждают, не издают учебников, не учат в школе. Достичь популярности не трудно, сложнее ее удержать. Можно снять безумный клип и выложить его в Интернет, получить миллион просмотров и десятки тысяч лайков. Стать мегапопулярной на вечер-два. А потом появится новый клип с более безумным сюжетом, с красивой, молодой певицей без комплексов. И что? Где ты на этом пьедестале? Давно внизу. И как произошло это стремительное падение, ты даже не заметила. Засыпала популярной, а проснулась уже никем.

В интернет-пространстве есть свои кумиры, есть плюсы и минусы скоростного лифта славы. Но если ты хочешь прийти всерьез и надолго, такие качели не для тебя. Тут нужен серьезный подход, солидный продюсер, хороший репертуар и талантливые способности исполнителя.

Позвонил Женька, предложил забрать на машине. Я согласилась. Тащить вещи из «звездного дома» на себе не хотелось. Он приехал элегантный, как всегда. Как будто не сумки перевозить собирался, а с девушкой на званый ужин.

— Привет, малыш.

— Привет, Жень.

Я грустила и не пыталась скрыть плаксивое настроение. Ноги еле волочились, уходила не оглядываясь. Я была похожа на потертую плюшевую игрушку. Которой поиграли, пообнимали, а потом выбросили. Как у Агнии Барто: «Зайку бросила хозяйка».

— Садись, поедem в ресторан.

Я посмотрела на него скептическим взглядом. Не ослышалась? Какой ресторан? Что праздновать? Женька не реагировал, продолжал улыбаться и позитивно болтать о всякой ерунде.

Так я узнала, что произошло в мире за те два месяца, пока я старательно пробивала дорогу на Олимп. Как дела у моих девчонок, что нового у Светки и Маринки, как переживали за меня его родители и как Женька выбирал автомобиль.

«Когда успел? — подумала тогда я. — Два месяца всего лишь в Москве».

Но подробностей не запомнила.

У меня так часто бывает: лишняя информация отфильтровывается моментально. Не хранится в голове ни секунды.

Женька привез меня в уютное заведение, заказал борщ и картошку в горшочках. Я поняла, как дико проголодалась. Будучи под присмотром тренеров и продюсеров мы не позволяли себе никакой калорийной еды. А сейчас мне ужасно захотелось горячего и

пампушек с чесноком. От запаха соленой корочки хлеба в сочетании с красным наваристым борщом засосало под ложечкой, во рту образовалась слюна.

— Есть хочу, — честно призналась я.

Женька улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Пациент скорее жив, чем мертв.

После разговора с Женькой я поняла, что не надо застревать на неудачах. Это плохо отражается на карме. Вселенная — дама щедрая. Думаешь о неудачах, их же и подбросит. Надо искать позитивные моменты. Чему научилась, что поняла, с кем познакомилась. И этих плюсов оказалось больше. Я общалась с выдающимися личностями нашего времени и, когда стояла на сцене с прощальной речью, радовалась, что имею такую возможность.

Я была так занята становлением звездного статуса, что на другую жизнь не оставалось времени. Ни на друзей, ни на парней. После завершения проекта я подписала контракт и отправилась в большой гастрольный тур по стране. С Женькой созванивались и иногда переписывались в соцсетях. Знаю, что он работал в каком-то банке. Жил, как и прежде, один. О большем я не спрашивала, да он и не рассказывал.

Я вернулась в Москву спустя полгода.

Контракт закончился.

Дальше каждый сам по себе.

Робкое весеннее солнце пробивалось сквозь мутные витражи некогда красивого здания. Сейчас оно напоминало цветной муравейник, разобранный на офисы. Я стояла в полуподвальном помещении, освещенном неоновой лампой, и тряслась от холода.

— Злата, надо как-то о клиентах заботиться, греть их. А ты что делаешь? Раздеваешь до трусов и заставляешь мерзнуть.

— Прости, тепло еще не включили.

— А кондиционер?

— Это дорого. Знаешь, сколько за электроэнергию в месяц набегает?

Злата бегала вокруг меня с сантиметром в руках и делала пометки в блокноте. Она модельер, а помещение снимает как мастерскую. Здесь и закройщики, и швеи, и костюмерная с раздевалками.

Для нас, юных и небогатых, наряды, которые шила Злата, были как подарок. Недорого и красиво. Месторасположение никак не влияло на талант придумывать, творить и создавать. Все костюмы Злате удавались. И на мне сидели как влитые, подчеркивая достоинства и скрывая недостатки.

— Вика, новый концерт? Раз за платьем пришла.

— Последний приличный концерт был два месяца назад, на день города Саратова, — я недовольно бухтела, как пенсионерка, лишенная субсидий, — и то, если бы не Юлька Печенкина, никто бы меня не вспомнил.

— А кто это, Вик?

— Подружка моя, на проекте сдружились. Но она спит с Гориновым, тот все пробивает.

— И ты спи.

— С кем? — я резко повернулась и посмотрела ей в глаза.

— С продюсером.

— Злат, ты с Луны свалилась? С каким? Он у меня есть?

— Так переспи с нужным человеком и будет.

— Сразу видно, что ты не бум-бум в шоу-бизнесе, — вздохнула я.

— А разве не так все делается?

— Может, и так. Да не совсем. Нормального продюсера постелью не заманишь. Ему талант нужен, харизма, энергетика. Ну и голос, естественно. Артист, которого продать можно, и денег заработать.

Злата посмотрела сочувственно, погладила по голове и усадила в кресло. Единственная мебель в ее мастерской, предназначавшаяся для клиентов.

— Хочешь дам померить платье, которое я сшила для Анжелики Варум?

— Не ври, — засмеялась я, — она у тебя не обслуживается.

— Не веришь, — расстроено пожала плечами Злата.

— Может, ты перепутала? — я ободряюще подмигнула.

— Может, и не она, но очень похожа. И стиль тот же.

— Покажи, — оживилась я.

— В телевизоре посмотришь, — надула губы творческая личность.

— Тогда я не скажу тебе, где выступаю на следующей неделе.

— Это шантаж?

— Да.

— В клубе, где ж еще.

— А вот и нет. На спортивной базе какого-то футбольного клуба.

— Шутишь?

— Нет, — я смеялась, — обещают хороший гонорар.

— Где эта база?

— Не в Москве.

— А где?

— Не знаю.

— Хорошенькое дельце. А как ты там петъ собралась свои «Пузырьки»?

— Во-первых, все формальности улаживает Юлькин продюсер. Мы туда почти всем составом едем. Во-вторых, нам разрешено петъ свой репертуар.

— Да? Что ты петъ будешь?

— Красивую лирическую песню о любви.

— Это перед спортсменами? Им бы о спорте что-то. Типа: «Бей по мячу, с трибуны я тебе кричу».

— Ха-ха-ха. Это примитивно.

— Да им все равно. Они на вас будут как солдаты пялиться. У них режим, ничего нельзя.

А тут девицы в прозрачных платьях.

Я показала на блокнот.

— Как там мои мерки? Короткое одевать можно?

— Талия на три сантиметра уменьшилась. Депрессия пошла на пользу, — сказала Злата, заглянув в записи.

— А грудь? — в надежде спросила я.

— Не увеличилась.

Нас поселили в гостиницу, единственную в городе. Всех вместе в один номер. Правда, трехкомнатный. Мы не возмущались, так, покривились в лицо администратору для

проформы. Гастролей ждали, потому что выступления — это деньги, пусть даже в таком третьесортном городе. Сам город никакой ценности не представлял, милый поселок на опушке соснового леса. К нему вела отличная асфальтированная дорога, которая и раскрывала тайну. Дело в том, что в этой вечнозеленой глуши располагалась тренерская база одного очень известного футбольного клуба. Клуб отмечал юбилей, в честь чего мы, собственно, прикатили с концертом.

Девочки ходили по комнатам, делили полки в шкафу и готовились к концерту.

— А твой продюсер золото, — сказала Юльке Настя Грозунова, запихивая чемодан под кровать.

— Устроил такие шикарные гастроли для своей любовницы и ее подружек. Молодец! Кучу бабок отвалил.

— Я в финансовые вопросы не лезу, — зашипела Юлька в ответ.

Юлька за кулисами была Печенкиной, а на сцене — Юлиана Че. Настя, отвергшая все попытки продюсеров хоть как-то сменить ей имя, забавлялась. То Чегеварой Юльку назовет, то ПеЧЕНкиной, то Юлианой ЧЁ. А сама жестко отстаивала мнение, что Грозунова — фамилия самая что ни на есть запоминающаяся. У продюсеров проекта было другое мнение на этот счет, старались всех нас как-то переименовать. Чтоб звучали четко, коротко, громко. Вот так и появились: Варвара Дис, Юлиана Че, Даша Лилу, Нинель, остались только я, Настя и Ленка Мальцева.

— Ну и правильно. Я считаю, что зарабатывать должен мужик, — продолжая заниматься благоустройством комнаты, говорила Настя.

— А я хочу быть самостоятельной и не зависеть ни от кого, — вставила Варька.

— А я хочу уже семью и детей. Непременно с достатком. Чтоб не ходить по бутикам и не облизываться. Ой, девочки, где взять такого москвича?

— Губа не дура, — засмеялась Настя.

— А ты не ходи, — заметила я. — И облизываться перестанешь. Соблазнов будет меньше.

— Ага, жить красиво не запретишь. Ноги сами к таким местам несут.

Варька приехала из провинциального городка, а все туда же, рвется к роскошной жизни. На проекте она была самой красивой девчонкой, от которой сходили с ума все наши «звездные» мальчики. Варька, именуемая теперь Варвара Дис, свою красоту холила и лелеяла. Вечно поддерживала масками, кремами и массажами. А как только появились деньги, стала посещать салонные процедуры. Длинные волнистые волосы не дала стричь даже стилисту проекта, пользовалась дорогой косметикой для волос. По сравнению с ней мы были просто серые мышки. Помыть голову шампунем и не забыть нанести кондиционер это мой максимум и ее минимум. Она готовила волосы к помывке, наносила масла и что-то еще втирала, потом после мытья — благоухала жасминной маской, пользовалась ополаскивателем и завершала нанесением флюида, от которого волосы блестели и сверкали. Как в рекламе.

А еще Варька вечно сидела на диете. Почти ничего не ела и много пила воды. Она гордилась тем, что умеет контролировать свой вес и употреблять только здоровую пищу. Мы же были рады гамбургерам, и любой бесплатной кормежке. Помню, как она призналась, что с детства не ест сладости.

— В тринадцать лет я сказала себе: «Стоп! Хватит!», съела на дне рождения маленький

кусочек торта и с тех пор не употребляю ничего, что содержит сахар.

— Ничего? — переспрашивали мы.

— Абсолютно! — гордо заявляла Варька.

— И не хочется? — прищутив глаз, выпытывала Ленка.

— Хотелось первый год. Организм рос и требовал глюкозу. Сейчас уже нет. Как говорит Эдита Пьеха: «Пять минут на языке и всю жизнь на талии».

— Так ты худая, как вобла, — тыкали мы в фигуру Варьки.

— Вот потому и худая. Я знала, что буду звездой. Готовилась заранее.

— Ну даешь, — присвистнули мы.

Мы уважали Варьку за самодисциплину, никто из нас не мог похвастаться подобной стойкостью. Ведь правда, кому понравится, если на сцене артист будет трести целлюлитными бедрами и демонстрировать складочки на талии?

После этого разговора я старалась приучить себя к рациональному питанию. Отвыкнуть от жареной картошки с чесночком, на шкварках, запахом которой наполняется квартира и желудок бьется в конвульсиях. Перестать есть хлеб, раньше он был неотъемлемым атрибутом на столе. Жевать рыбу, которую я не люблю, и пить травяной чай вместо кофе. Листья салата, пучки петрушки, сельдерей, отварное мясо, рыба, мюсли, овсяные хлопья, кефир, соки, сыр, творог и фрукты, овощи — вот набор продуктов, которым нам рекомендовали питаться в дальнейшем.

Я хоть и мечтала быть всю жизнь тростинкой, но на такие жертвы идти не согласна. Иногда позволяла себе вареники с картошкой и гречку с котлеткой, сдобренную пряным соусом вприкуску с калорийным салатом оливье. И булочки с маком иногда появлялись на столе, а масло и соль из рациона не выбывали никогда. Знаете, есть такие бессолевые диеты? Я попробовала. Один раз. Приготовила суп. На первой ложке поперхнулась и выплюнула обратно в тарелку. Помои. Суп в кастрюле посолила и больше такими чудачествами не увлекалась.

Концерт перед публикой, состоящей сплошь из футболистов, вызвал фурор. На мое платье клюнули, как рыбка на наживку. Злата была права.

Мужчины на банкете окружили нас плотной стеной. Разглядывали откровенно, как заморских певчих птиц.

— Красивая песня, — обратился ко мне мужик с сединой на висках, утонув взглядом в декольте.

— Какая именно?

— Две, — добавил он, не отрывая глаз от выреза на платье.

— Я спела шесть.

— Да?

Он поднял глаза. В них читалась похоть. Такое выражение я видела практически у всех мужчин. Мне встречались два выражения: похоть или равнодушие. Равнодушное лицо арт-директоров студий, концертных площадок, и похоть клубных диджеев и таких вот подвыпивших поклонников.

Я скривила губы в улыбке, допила бокал с вином и собиралась уходить.

— Михалыч, не приставай к девушке.

К нам приближался молодой симпатичный парень. На вид мой ровесник. Белая

футболка, джинсы, кроссовки. Черные кудрявые волосы и ясные глаза. Все просто.

— Александр, — представился он и протянул руку.

Я пожала крепкую ладонь.

— Вика.

— Саша, — еще раз сказал он и рассмеялся. Как мальчишка. Так задорно и весело.

— Из Москвы?

Он кивнул на автобус, в который паковали аппаратуру.

— Да.

— Хорошо поешь.

— Спасибо.

Секундная пауза заставила обоих опустить глаза в пол.

— Ты футболист? — пошла я в наступление.

— Да так, играю, — неопределенно ответил мой новый знакомый.

— А в свободное время чем занимаешься?

«Господи, похоже на глупое анкетирование», — мысленно ругала себя я.

Но ничего умного в голову не лезло. Тем для разговоров в мире полно, а я веду себя как старшеклассница.

— А у меня свободного времени не бывает. Тренировки, игры, сборы, тренировки.

— И не скучно?

— Нет. Когда есть цель — любой путь преодолеваешь с легкостью.

«Мне бы твой оптимизм», — подумала я про себя и замолчала.

— Как там в Москве? Что в мире делается? — спросил с улыбкой Саша.

— Стабильности нет, — сказала заученную многократными просмотрами фразу из любимого фильма. — Террористы опять захватили самолет...

Видимо, раньше у Саши было больше свободного времени и он смотрел этот фильм, либо просто обладал хорошей памятью и чувством юмора. Стрела попала в цель, он засмеялся.

— Хочешь жить в Москве? — уточнила я.

— Нет, в Лондоне.

— Ого.

— Буду играть в «Челси».

Я опять уткнулась глазами в зеленую травку под ногами, о футболе я не знала ничего.

— «Люблю» — шептали губы. «Вернись» — глаза манили, «найду» — кричало сердце... что-то там... слаще ванили.

Саша пытался вспомнить припев песни, с которой я выступала полчаса назад.

— А-ля-ля-ля-ля, — рассмеялся он, так и не найдя нужных слов текста.

— Ты запомнил песню?

— Да, она мне понравилась.

Это была первая песня, которую я написала сама после проекта и которую вышвыривали все радиостанции.

— Я сама написала, — тихо призналась ему.

— Серьезно?

Я хотела что-то сказать, но меня позвали. Автобус собирался в обратный путь. Саша хороший парень, в Москве таких не встретишь.

— Вика! — топала ногой Юлька.

— Главная? — кивнул парень в сторону ожидавшей меня девушки.

— Виктория, ты остаешься?

Девчонки прилипли к окнам и наблюдали мою сцену прощания с молодым человеком.

Стало неловко.

— Будешь в Москве, звони, — я переминалась с ноги на ногу.

— Как покорю столицу, обязательно пересечемся, — подмигнул Саша.

Я быстро сунула ему свою визитку и прыгнула в автобус.

Я смотрела в окно автобуса на фиолетово-розовый закат и еле сдерживала слезы. Когда я стану звездой? Когда? Дико захотелось прославиться, чтобы обо мне писали в газетах, крутили по радио и без конца транслировали по телевизору. Чтобы все-все знали, кто я такая. Даже в самых глухих деревнях и заброшенных поселках, где есть только одна национальная телерадиокомпания. Я хотела, чтобы меня круглосуточно там показывали.

Вернувшись в Москву, я встретила с Женькой. Он выслушал мой скомканный рассказ про футболиста Сашу, нежно провел по волосам рукой и тихо сказал:

— Вик, ну какой футболист? Ты достойна лучшего. Разве не понимаешь?

Я притихла и задумалась. Может, Женька прав? Какой футболист? Кто он и где живет? У меня глобальные цели, становление карьеры, записи и концерты. О чем это я? Впереди целая жизнь. Найду еще своего Бэксема, а не этого юношу из неизвестной команды.

Как всегда, Женька оказался прав. И я честно об этом ему сказала.

Сашу выбросила из головы, как и название города, в котором он живет.

Однажды произошла встреча, о которой мечтают все начинающие певицы — я познакомилась с модным известным продюсером. А дело было так.

Мы с девчонками пели на закрытой вечеринке московского олигарха. Все как обычно: хороший звук, крутой клуб, холеные дамы за столиками и раздутые от чувства собственного совершенства богачи. Юлька объявила, что этот концерт может стать последним. В таком составе мы уже никогда выступать не будем. Юлиана Че рассталась со своим любовником. Он прекратил с ней как телесные контакты, так и деловые.

— Дальше каждая сама по себе, — тяжело вздохнула Юля.

— Ой, что же делать? — взмолилась Настя.

— Искать нового покровителя.

Мы сидели в маленькой комнатке, наносили грим, курили и строили планы на будущее. Юлька, занявшая третье место по итогам зрительского голосования (или как любят произносить в эфире: «вошла в золотую тройку»), была нашим лидером.

Она была категорична:

— Если ни одна из нас до сих пор никого не заинтересовала, то шансов нет. Спустя шесть месяцев после финального концерта вообще глупо напоминать, что ты финалист прошлогоднего проекта.

[Купить полную версию книги](#)